

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.253

Е.Н. Каляева

КОНТУРЫ СОЦИОЛОГИИ ЭМОЦИЙ В КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ В РАБОТЕ Э. ДЮРКГЕЙМА «О РАЗДЕЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДА»

Статья представляет собой анализ фундаментальной работы Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда» с точки зрения современной социологии эмоций. Выделена роль эмоций в функции разделения общественного труда, в интерпретации механического и органического типов социальной солидарности. Выявлено, какие эмоции обуславливают социальную солидарность в концепции Э. Дюркгейма и как их роль меняется вместе со сменой типа солидарности. Показана преемственность идей Э. Дюркгейма в работах современных социологов эмоций.

Ключевые слова: эмоции; социология эмоций; социальная солидарность; Э. Дюркгейм; коллективные чувства; механическая солидарность; органическая солидарность.

Социология эмоций как область знания начала развиваться в 1970-х гг. Ранее эмоции считались «иррациональными», не поддающимися научному анализу [1]. Современные ученые в области социологии эмоций Кемпер, Тернер, Стетс [2–4] и другие пришли к мнению, что эмоции необходимо изучать не только с точки зрения психологии и биологии, но и социологии, так как эмоции обусловлены культурой; встраиваясь в социальную реальность, они воспроизводят социальную солидарность [5, 6]. Концепция социальной солидарности является неотделимой частью проблемы социального порядка. Можно сказать, что идея социальной солидарности появилась вместе с самой социологией и является одной из главных проблем дисциплины [7]. Существует мнение, что ни одна отрасль знания не способна решить проблему социальной солидарности в одиночку, но и вклад социологии эмоций исключать нельзя [8]. Сегодня исследователи обращаются к определению роли эмоций в изучении солидарности в общественных движениях [9–12], политических процессах [13], спортивных мероприятиях [14, 15]. Однако с нашей позиции недостаточно литературы, отражающей, какие именно эмоции способны вносить вклад в воспроизводство социальной солидарности.

В предложенной работе мы обратимся к анализу эмоций в интерпретации социальной солидарности классиком социологии Эмилем Дюркгеймом в его работе «О разделении общественного труда». Согласно некоторым авторам, среди всех классиков социологии самое пристальное внимание эмоциям уделял Дюркгейм [1]. Большинство научных статей основано на работах «Самоубийство» и «Элементарные формы религиозной жизни» [16–20]. Гейн указывает, что в работе «Самоубийство» Дюркгейм начинает размышлять в стиле социологии эмоций [21]. С другой стороны, труду «О разделении общественного труда» социологи уделяют меньшее внимание. Хотя именно в нем Дюркгейм охарактеризовал типы социальной солидарности и показал роль эмоций в создании социальных связей. Согласно Дж. Фишу [22], в «Элемен-

тарных формах религиозной жизни» были развиты идеи, первоначально освещенные в труде «О разделении общественного труда», который был опубликован на четыре года раньше, в 1893 г. Несмотря на то что труд «О разделении общественного труда» не представляет собой целенаправленный анализ эмоций, а только предпосылки идей, которые находят отражение в современной социологии эмоций, Дюркгейм неявно выделял роль эмоций в поддержании социальной солидарности. Стоит отметить, что в основном классики, рассуждая об эмоциях, использовали слово «чувства», но Дюркгейм в работе «О разделении общественного труда» неоднократно использует слово «эмоции» [23. С. 78, 97–99, 101, 279, 325]. Современные авторы преимущественно используют концепцию Дюркгейма «коллективного вскипания» [24–26], однако остается неизученным, какие именно эмоции и при каких условиях способны поддерживать социальную солидарность, на чем и будет сфокусировано наше исследование. Обращая внимание на то, что у Дюркгейма все, что связано с обществом, имеет моральный характер, работа сосредоточена на моральных эмоциях [27]. Дюркгейм сконцентрировался на идее коллективных чувств, которые обуславливают социальную солидарность. Такие моральные эмоции, как гнев, месть, симпатия, альтруизм, отражаясь согласованно в каждом индивидуальном сознании, способны поддерживать социальную солидарность. Книга «О разделении общественного труда» является главным произведением Дюркгейма в определении социальной солидарности, поэтому невнимание социологов к работе в этом ключе оставляет пробел в изучении теоретических истоков социологии эмоций и затрудняет изучение социологией эмоций проблемы социального порядка.

Работа имеет целью показать, что эмоции обуславливают социальную солидарность, проследить, как Дюркгейм определял социальную природу эмоций, их роль в описании типов социальной солидарности, какие эмоции участвуют в создании социальных связей с позиции Дюркгейма. Мы ставим задачу

определить контуры современной социологии эмоций в идеях Дюркгейма, которые заслуживают внимания для дальнейшей разработки этой темы. Используя размышления Дюркгейма о роли эмоций в поддержании социальной солидарности, мы можем определить предпосылки решения проблемы социального порядка.

Работа представляет собой следующую структуру. Вначале мы определим роль эмоций в характеристике понятия «разделение общественного труда». Затем покажем, какие эмоции обуславливают механическую солидарность. В следующей части обозначим, как поменялась роль эмоций при воспроизводстве социальной солидарности вместе со сменой типа солидарности на органическую. Вместе с тем работа демонстрирует переосмысление и преемственность идей Дюркгейма в современной социологии эмоций. В завершение представлены выводы по итогу проделанного анализа.

Роль эмоций в функции разделения общественного труда. Центральным в работе Дюркгейма выступает понятие «разделение общественного труда». Неоспоримым является то, что разделение общественного труда – это источник цивилизации. Однако если бы это было основной функцией, то оказываемые общественным разделением труда услуги «сводились бы к восстановлению причиняемых им самим потерь» [23. С. 56]. Поэтому, объясняя на житейских примерах дружбы и семьи, Дюркгейм доказывает, что истинной функцией разделения общественного труда является воспроизводство социальной солидарности. Дружба основывается не только на взаимном влечении, но и на различиях. При этом чтобы создавать взаимное влечение, различия должны взаимно дополнять друг друга. Дюркгейм утверждает, что с осознанием своего несовершенства люди ищут в друзьях недостающие качества. В результате создаются ассоциации друзей, где происходит обмен услугами: «один покровительствует, другой утешает, третий советует, четвертый исполняет» [Там же. С. 58]. Именно такое разделение функций способствует выстраиванию дружеских отношений. Аналогичным образом, каждой отдельной функции соответствует своя эмоция: сопереживания, сострадания, жалости, заботы и т.д. Таким образом, эмоции участвуют в создании социальных связей, способствуя образованию ассоциации друзей.

В случае с семьей брак основан на взаимной любви, что предполагает гармонию мыслей и чувств. Однако, согласно Дюркгейму, «мужчина и женщина ищут друг друга именно потому, что они различаются» [23. С. 58]. Например, в первобытные времена дифференциация полов была очень слаба, следовательно, слаба была и солидарность в семье. Но с развитием цивилизации, с появлением большего числа правил, которые должны соблюдаться в семье, увеличилось и различие между женщинами и мужчинами, «один из полов завладел эмоциональными функциями, а другой – интеллектуальными» [Там же. С. 61].

Таким образом, Дюркгейм заключает, что настоящая функция разделения общественного труда заключается не в создании самих обществ, а в создании со-

лидарности в этих обществах. Предложенные Дюркгеймом примеры демонстрируют, что эмоции участвуют в образовании социальных связей, сопровождая процесс разделения труда. Согласно К. Харберу, выражение эмоций инициирует социальную связь, формирует когнитивное развитие, способствует эмоциональной регуляции и обеспечивает социальную интеграцию [28]. Однако общества, основанные на разделении труда, устроены иначе, чем общества, основанные на притяжении подобного подобным, следовательно, и роль эмоций в таких обществах может быть оценена по-разному. В результате размышлений Дюркгейм приходит к выводу, что сходства могут быть основаны не на одной только симпатии.

Для того чтобы определить степень, в которой производимая разделением общественного труда солидарность способствует интеграции общества, Дюркгейм считает необходимым рассмотреть разные типы социальной солидарности. Но социальная солидарность – «чисто моральное явление, не поддающееся само по себе ни точечному наблюдению, ни особенно измерению» [23. С. 65]. Поэтому автор считает необходимым классифицировать типы солидарности, основываясь на таком видимом символе, как право, поскольку «право воспроизводит основные формы социальной солидарности» [Там же. С. 69]. Виды права Дюркгейм классифицирует на основании репрессивных санкций, которым соответствует механическая солидарность, и реститутивных, которым соответствует органическая солидарность.

Таким образом, мы определили, что эмоции сопровождают процесс разделения общественного труда, участвуя при этом в создании солидарных обществ. Далее переходим к анализу интерпретации Дюркгеймом каждого из названных типов солидарности. Когда мы рассмотрим виды социальной солидарности, получим представление о том, какую роль играют эмоции в процессе воспроизводства социальной солидарности и как эта роль менялась со сменой типов социальной солидарности.

Роль эмоций в интерпретации механической солидарности. В концепции Дюркгейма механическая солидарность основывается на общих идеях, верованиях и чувствах. Общность мыслей достигает такой степени, что для индивидуального не остается места, все индивидуальное полностью поглощается коллективным. Поэтому Дюркгейм говорит об общем или коллективном сознании, которое «является психическим типом общества, не зависит от частных условий индивидов» [23. С. 80] и связывает между собой поколения. Поэтому можно сказать, что эмоции обеспечивают солидарность в обществе во времени и являются средством социализации индивидов. Когда индивиды коллективно испытывают негативные эмоции и чувства относительно того или иного поступка, этот поступок становится социально дурным. Также коллективные чувства могут происходить, например, из удовольствия или сострадания. Однако здесь существует риск, что если в обществе нарушено общее понимание удовольствия в определенном предмете, то нежелательный для общества поступок может даже ставиться в пример.

Коллективные чувства, по словам Дюркгейма, обладают высокой интенсивностью, потому что каждая эмоция, возникая в отдельном сознании, отражается в других, соединяется с собственными идеями индивидов, в результате появляется более живая эмоция, которая находит отражение в сознании каждого индивида. Самой высокой интенсивностью обладают эмоции, вызванные преступлением. Коллективная эмоциональная реакция индивидов на преступление должна быть не просто общей, но происходить у всех членов общества согласованно; для этого необходимо, чтобы сопротивление общего сознания внешнему раздражителю было также коллективным. «Взросшее малопомалу волнение сильно притягивает друг к другу всех сходных между собой и соединяет их в одном месте» [23. С. 103]. Так как оскорбленные чувства находятся во всех сознаниях, то преступление вызывает одно и то же негодование среди всех, кто его видел или знает о нем. Значит, преступление, имея последствием, негативные эмоции, «объединяет честные души» [Там же. С. 102]. Так Дюркгейм объясняет социальную природу эмоций. Автор приводит пример маленьких городов, когда люди собираются вместе на площадях или ходят в гости, чтобы сообщить о произошедшем. Таким образом, следуя мысли Дюркгейма, образуется «общественный гнев» [Там же. С. 102]. Благодаря гневу в условиях противоречий атакованный человек получает дополнительные силы. Мнение, что гнев представляет собой только разрушительную силу, ошибочно. У Дюркгейма гнев состоит из скрытых сил, которые помогают противостоять опасности, активизируя и мобилизуя эти силы.

Согласно Дюркгейму, в условиях механической солидарности коллективные эмоции преимущественно вызваны преступлением, которое возмущает во всяком здоровом сознании одинаковые чувства. Мы коллективно испытываем чувство отвращения к вору, мошеннику и человеку, изменившему своему отечеству. Таким образом, в условиях нарушения норм уголовного права негативные эмоции (антипатия, отвращение, негодование) могут быть катализатором социальной солидарности. Однако оскорбление коллективных чувств не может быть определено только преступлением, так как оскорбление может произойти и без преступления. Поэтому необходимо отличать эмоции, вызванные преступлением, от любых других. Чувства, вызванные преступлением, четко определены в уголовном праве, поэтому всем понятны. Именно определенность чувств характеризует их силу в обществе. А чувства, такие как, например, милосердие, представляют собой «неопределенные стремления к весьма общим объектам» [23. С. 80].

Стоит обратить внимание, что наиболее сильно механическая солидарность была представлена на первых этапах развития общества и воспроизводилась посредством религии. Моральные нормы, например в Орде, определяли то, как человек должен есть, одеваться и какие использовать жесты, что гарантировало эмоциональную однородность. В племенной конфедерации к единомышленникам люди чувствовали милосердие. В первобытных обществах наказание являлось средством отпущения. Здесь Дюркгейм гово-

рит об эмоции мести, которую в индустриальных обществах стал определять как акт защиты. Ошибочно, по его мнению, полагать, что месть заключается только в механической реакции к безрассудному желанию разрушить. Желание разрушить возникает как инстинктивная ответная реакция на угрозу, на опасность к нормам уголовного права и общественному сознанию. Поэтому месть не имеет такой отрицательной роли, которую ей приписывают. Автор делает вывод, что эмоция мести определяется инстинктом самосохранения. Ограничение здесь в том, что месть не поддается регулированию, эта эмоция возникает самопроизвольно; мы можем контролировать действия, порождаемые эмоцией мести, но не саму эмоцию. Другим видом наказания, являющимся моральным, является позор. Позор мы используем, когда других видов морального наказания недостаточно или когда другого наказания нет. С позором тесно связана эмоция стыда. С одной стороны, люди объединяются, чтобы опозорить человека, нарушившего моральное право, с другой – объединению служит тот факт, что люди видят, каким может быть наказание. Очевидно, что эмоции появляются там, где происходит нарушение норм как ответная реакция на это нарушение. Поэтому мы можем сделать вывод, что стыд является мощным средством поддержания социальной солидарности. Из описанного выше можно сделать вывод, что месть и стыд связаны. Будучи реакцией на преступление, месть и позор способны вызвать эмоцию стыда у преступника в отсутствие другого вида наказания. Именно из условий, в которых возникают чувства мести и стыда, мы понимаем социальную природу этих эмоций, которую определял Дюркгейм.

С другой стороны, то, что способствует разрушению коллективных эмоций, разрушает социальные связи и подвергает опасности общество. Ослабление социальной солидарности может быть следствием потери энергии общественного сознания, которую эмоциональная реакция группы неспособна компенсировать. Общие чувства, обеспечивая единение умов, являются призывом к наказанию или, как пишет Дюркгейм, к возмещению зла, нанесенного преступлением обществу. Помимо этого, наказание призвано «залечить раны, нанесенные коллективным чувствам» [23. С. 107]. На защиту общественно сознания от опасности нацелен «нервный ток» [Там же. С. 96], когда мы испытываем негодование, если что-то угрожает целостности сознания. Нервный ток означает чувство, которое проникает в нас от внешнего субъекта. Внешний субъект старается побудить в нас те же чувства, те же эмоции, которые испытывает сам. Если же в сознание проникает убеждение, противоположное нашему, разгорается конфликт. Стоит отметить, что такой конфликт происходит на поверхностном уровне сознания, поэтому сильно на нас не отражается. Однако если речь идет о дорогом нам человеке, то конфликт происходит уже на более глубоком уровне. Мы возмущаемся, защищаем его. Такие чувства провоцируют определенные действия: мы начинаем избегать человека, задевшего наши чувства, отстраняемся, можно сказать, изгоняем его из своего общества. В то же время Дюркгейм обра-

щает внимание, что при противоположных убеждениях возможно проявлять терпимость, в этом случае социальная солидарность будет поддерживаться. Важно, что симпатия обязательно должна быть сильнее антагонизма противников, иначе победит антагонизм. Дюркгейм приводит пример обоюдной терпимости в религиозных войнах, но в нашем понимании, терпимость нельзя отождествить с солидарностью.

Переосмысливая наследие Дюркгейма, современные социологи используют его идеи в своих разработках. Фиш пишет, что в обществах, основанных на механической солидарности, социальный порядок достигается благодаря наличию у людей сильных эмоциональных сходств, которые имеют религиозные основы [29]. Согласно современным теориям наказания процесс наказания преступников поддерживает уровень социальной сплоченности, который возникает из взаимного понимания гражданами их сходства в моральных убеждениях [30]. Теоретически для социальной аудитории, которая является свидетелем преступления, слышит об этом через средства массовой информации или другие информационные каналы, преступный акт поднимает несколько важных вопросов: 1. Какая доля общества продолжает поддерживать нарушенные социальные и моральные нормы? 2. Насколько сильно люди защищают эти нормы? 3. Имеют ли правовые органы, представляющие это «коллективное или общее сознание», достаточную решимость и ресурсы для обеспечения соблюдения этих общих убеждений? [30]. А истинная функция наказания – не исправление преступника, а сохранение целостности общественной связи, смягчение негативных эмоций, вызванных преступностью, например страха и гнева [Ibid]. Согласно Шиллингу, нормативный порядок социального мира, выраженный в его коллективе совести, является достижением культурного и эмоционально настроенного ума [31]. Основываясь на Дюркгеймовской концепции «коллективного тока», Р. Коллинз разработал идею «эмоциональной энергии» [32], которую он определяет как континуум от высокой уверенности и энтузиазма до состояния депрессии и недостатка инициативы. Согласно Коллинзу, люди, наполненные эмоциональной энергией, чувствуют себя лучше. А чувства моральной солидарности вызывают альтруизм или любовь.

Таким образом, механическая солидарность в концепции Дюркгейма основана на общности идей, верований и чувств, и тем солидарность сильнее, чем интенсивнее коллективные эмоции. Важно отметить, что в условиях механической солидарности не только общая симпатия приводит к сплочению, но и общий гнев, месть или отвращение. Главное условие в поддержании солидарности – это не факт положительных или отрицательных эмоций, а их общность в случае, когда коллективное сознание подвергается опасности нарушением уголовного права. При этом эмоции должны быть не просто общими, а возникать в сознании каждого отдельного индивида согласованно. С другой стороны, ослабление нервного тока, в интерпретации Дюркгейма, или «эмоциональной энергии», в концепции Р. Коллинза, способно привести к ослаблению социальной солидарности. Важно обра-

тить внимание на то, что современные теоретики оценивают социальную природу эмоций и их роль в поддержании социальной солидарности в Дюркгеймианском ключе.

Роль эмоций в интерпретации органической солидарности. Органическая солидарность в интерпретации Дюркгейма основана на реститутивной санкции и имеет целью не наказание, а восстановление порядка в обществе. Тот, кто нарушил закон, приговаривается не к страданиям, а к подчинению закону, а судья в данном случае утверждает право, а не наказание. Органическую солидарность обуславливает разделение общественного труда. Согласно Дюркгейму, там, где есть разделение общественного труда, есть солидарность. В условиях органической солидарности человек может развиваться только в одной из двух реальностей – либо коллективно, либо индивидуально. В случае с механической солидарностью индивида полностью поглощает коллективное сознание. В противоположность этому, органическая солидарность построена на индивидуальных различиях. С одной стороны, чем выше специализация каждого индивида, тем больше он индивидуализирован, возникающие отношения не только не объединяют, но стремятся к тому, «чтобы лучше отделить то, что соединилось силой обстоятельств» [23. С. 116], поместить каждого в его собственные границы. С другой стороны, чем больше разделен труд, тем сильнее индивид связан с обществом. Таким образом, по сравнению с механической солидарностью меняется характер солидарности, основанной на разделении общественного труда. Следовательно, вместе с этим меняется и роль эмоций в воспроизводстве социальной солидарности.

Дюркгейм утверждает, что с изменением способа солидаризации общества меняется и социальная структура. Значительную часть работы автор посвящает описанию развития органической солидарности, основанной на разделении труда, начиная от орды и кланов, однако мы не будем углубляться в это описание до появления в нем эмоциональной составляющей. В своем изложении автор переходит к деревне и закрытому ее характеру: «Никто не может поселиться в деревне без единодушного молчаливого или явного согласия всех жителей» [Там же. С. 175]. Иными словами, для того чтобы стать частью жителей деревни, солидаризоваться с ними, необходимо наличие положительных эмоций, таких как симпатия и пр. Стоит отметить, что сегодня деревня уже утратила такие черты и закрытый характер присущ деревням только традиционного общества. Об этом же пишет и Дюркгейм, говоря, что территориальные деления теряют свое значение. Таким образом, мы видим, что с развитием органической солидарности симпатия выходит за пределы семьи и дружбы, как это было при механическом типе солидарности. В современной науке К. Кларк утверждает, что симпатия представляет собой «клей для социальных связей» [33], эмоционально соединяет людей разных классов, этнической принадлежности, возрастов и гендеров во времена бед, таким образом, обуславливая социальный порядок.

Дюркгейм обращает внимание на то, что дарвинистские теории игнорируют элемент моральной жизни общества, а именно «умеряющее влияние, которое общество оказывает на своих членов и которое умеряет и нейтрализует жестокое действие борьбы за существование и отбор» [23. С. 187]. В своем рассуждении автор приходит к выводу, что в обществе есть альтруизм, потому что есть солидарность. У Дюркгейма мы видим несколько примеров наличия альтруизма с первобытных времен, когда дикарь приносит свою жизнь в жертву, если этого требует общество, а вдова в Индии следует за своим мужем после смерти. По словам Дюркгейма, такая способность привязываться – признак здорового общества. Изначально поведение человека эгоистично, и альтруизм возник именно из эгоизма. Однако, например, у дикарей эгоизм вмешивается в низшие представления (физические потребности), а у цивилизованного человека – в высшие (каждый человек имеет свое мнение, свои стремления и верования). Эгоизм вмешивается и в альтруизм тогда, когда человек выбирает собственный способ быть альтруистом в зависимости от своих убеждений и характера. Следовательно, место эгоизма в нашей жизни расширилось, играя не меньшую роль в создании солидарности, чем альтруизм. В современной социологии с опорой на идеи Дюркгейма З. Куза вводит понятие «культурная травма», которая позволяет чувствовать и принимать страдания других как свои собственные [34].

По мере того как менялось общество и механическая солидарность сменилась органической, появилось больше способов приобретать собственность и, соответственно, ее красть, однако не увеличилось чувство уважения к чужой собственности. Раз увеличилось количество возможных преступлений и оскорбляемых чувств, то правила нужно перечислять в соответствие с тем, к какому чувству они относятся. В соответствие с этим тезисом Дюркгейм разработал таблицу криминологических типов [23. С. 150], в которой собраны правила, запрещающие поступки, противостоящие коллективным чувствам. Правила относятся к религиозным, национальным, семейным чувствам, касающимся половых отношений, труда, органа общего сознания, индивидуальных личностей, вещей индивида и групп индивидов (как их личностей, так и имущества). Таким образом, очевидно, что социальная солидарность связана с исполнением правил, основанных на чувствах и эмоциях, действиях и поступках, которые не оскорбляют коллективных чувств. Однако с разделением труда большая часть этих типов исчезла.

Если механическая солидарность основана преимущественно на уголовном праве, то органическая – на других его видах. Юристы различают два вида прав: вещные (право собственности, ипотека и т.п.) и обязательственные. Отсюда формируется вещная солидарность, которая связывает не личности между собой, а личность с вещами. С одной стороны, в таком праве нет враждебных отношений и негативных эмоций, но, с другой стороны, здесь нет и активного сотрудничества, консенсуса. В противоположность Дюркгейм анализирует семейное право. Эта часть

права определяет способы, которыми распределяются семейные функции. Следовательно, семейное право выражает солидарность членов семьи вследствие разделения семейного труда. В первую очередь солидарность в семье рассматривают именно как следствие общности чувств и положительных эмоций. Говоря о солидарности, основанной на кооперативном, конституционном и трудовом праве, Дюркгейм никак не обращается к теме эмоций. Однако стоит отметить, что в каждом частном случае эмоции имеют место как причина исполнения каждого вида права. Поэтому представляется, что эмоции необходимо учитывать при анализе любого вида права, так как от них напрямую зависит наличие или отсутствие социальной солидарности, которая определяется конкретным видом права.

Сегодня мы можем встретить рассуждения об эмоциях в статьях по праву. Авторы анализируют значение эмоций практически в каждом виде права, в том числе уголовном, конституционном и трудовом [35–38]. В условиях договорной солидарности связь между людьми основывается на нормальном обмене, который представлен в форме договора. Таким образом, солидарность становится согласием индивидуальных интересов. Однако для солидарности в профессиональной сфере необходимо согласовывать договорные нормы с моральными правилами. Отношения в любых профессиональных группах сопровождаются сводом моральных правил, нарушение которых определяет гораздо большее осуждение, чем любые другие профессиональные проступки. Следовательно таким моральным правилам сопровождается моральными эмоциями. Желание индивида избежать этих эмоций будет обеспечивать соблюдение моральных норм. Следуя логике Дюркгейма, жизнь в обществе не строится на единичных мимолетных контактах вследствие разделения труда. Жизнь членов общества сопровождается некоторым постоянством выполняемых функций, эти функции включают индивида в сеть взаимодействий, которые необходимо поддерживать. Каждая выполняемая индивидом функция зависит от функций, выполняемых другими членами общества. Альтруизм для Дюркгейма является основанием общественной жизни. Люди не могут жить вместе без взаимных соглашений, поэтому всякое общество – моральное общество. Как следствие, человек рассматривает себя как часть целого, как «орган организма» [23. С. 215]. Поэтому Дюркгейм делает вывод, что общество, основанное на кооперации, является не только экономическим объединением, но также обладает нравственностью. И эта нравственность развивается по мере укрепления личности. В условиях разделения труда индивид получил возможность самостоятельно выбирать профессию, род деятельности и некоторые семейные функции, однако как только выбор приобретает социальный характер, общество накладывает некоторые обязанности. С этим тезисом, как представляется, схожа идея А. Хохшильда, которая предлагает перспективу управления эмоциями. Социальные ориентиры, которые направляют нас на то, как мы хотим себя чувствовать, могут быть описаны как совокупность социально раз-

деленных, хотя и часто скрытых правил [39]. Например, на стюардесс для поддержания порядка на борту самолета накладывается правило испытывать эмоцию радости, но не отвращения или гнева [40].

Говоря о коллективном сознании, необходимо сказать и о среде обитания группы. Находясь в одинаковых условиях, индивиды испытывают одинаковые эмоции. Например, все племя одинаково наслаждается солнцем и одинаково страдает от дождя. Но с увеличением объема общества меняется и характер коллективного сознания. Дюркгейм считает, что коллективное сознание должно становиться более общим и абстрактным вместе с распространением по широкой территории. Однако условия жизни везде разные, поэтому возникающие чувства не могут быть одинаковыми. Дюркгейм приводит пример из религии, когда в кланах Бог был более конкретным и олицетворен в тотемах, в отличие от современных обществ. То же самое происходит с правовыми и моральными нормами. Изначально связанные с местными условиями, по мере разрастания общества они становятся более общими и абстрактными. Но силу коллективное сознание получает не только от общности мышления и территории, но и от предыдущих поколений. Чтобы форма поведения стала общей, необходимо время, поэтому она – продукт прошлого. Так создается авторитет традиций. В то же время автор приходит к выводу, что чем больше общество расширяется, тем меньше сдерживает желание индивидов к различию, так как повышаются возможности географической миграции и мобильности. Чем обширнее становится группа, тем менее внимательно коллективное сознание. Поэтому говорят, что лучше всего скрыться в толпе. В таком случае коллективное сознание не становится сильнее, требуется контроль за слишком большим количеством элементов, что сделать невозможно. Так же ослабевает интерес и к личности. Мы интересуемся личностью, если она пробуждает в нас эмоции из прошлого, если нет – стараемся избегать. Так объясняется коллективное любопытство, которое тем сильнее, чем чаще личное общение между индивидами. Чем больше лиц, с которыми он взаимодействует, тем такие контакты реже и короче. В этих условиях слабые чувства начинают терять свою силу, например, неисполнение религиозных обрядов уже не возмущает, как раньше. Сильные чувства и эмоции теряют свою энергию – например, богохульство вызывает уже меньшее возмущение, чем раньше.

С развитием общества и разделением труда классик связывает прогресс счастья. Дюркгейм первым сформулировал основную дилемму современного общества – поддержания социального порядка и защиты индивидами своей автономии и свободы в поисках счастья [34]. Впоследствии эмоция счастья была классифицирована социологами как первичная [41]. Существует мнение, опровергаемое Дюркгеймом, что причина разделения труда исходит именно из стремления к счастью. Автор рассуждает, что с прогрессом науки, искусства, увеличения производства продуктов, совершенствованием промышленности человек испытывает необходимость все это иметь, так как думает, что чем больше он имеет, тем становится

счастливее. Именно желание счастья заставляет человека все больше специализироваться. Согласно рассматриваемой точке зрения счастье увеличивается пропорционально приросту производительной силы труда. По мере увеличения числа и интенсивности приятных возбуждений растет и счастье, тогда, чтобы больше наслаждаться, человек начинает больше производить. Однако, как утверждает Дюркгейм, человеческая способность к счастью очень ограничена. В этом контексте он опровергает Спенсера, который говорил, что счастье возрастает вместе с производительной силой труда [23. С. 257].

Описанное выше явление сменил тезис, что удовольствие не сопровождается ни слишком сильными, ни слишком слабыми состояниями сознания. Как недостаточная, так и чрезмерная деятельность способна привести к страданиям. А удовольствие находится между этими крайностями. Дюркгейм приходит к выводу, что если бы разделение труда прогрессировало исключительно для увеличения нашего счастья, то уже и разделение труда, и основанная на нем цивилизация остановились бы. По аналогии с животными, у которых не происходит изменения веками, потому что они достигли состояния равновесия, также и человечество пришло бы к состоянию покоя. Социолог делает очень важный вывод, что не всякое удовольствие полезно, удовольствие и польза не изменяются в одном направлении и отношении. Счастье ограничивается самим человеком, его природой, все телесные потребности ограничены, поэтому счастье ограничивается человеческим темпераментом, степенью достигнутого развития, следовательно, физическое удовольствие не может безгранично увеличиваться.

В то же время результаты труда могут появиться слишком поздно, увидит их уже другое поколение. Поэтому вовсе не ожидание счастья вовлекает людей в труд. Социолог делает вывод, что тезис «счастье индивида возрастает по мере того, как он прогрессирует» очень безоснователен. Дюркгейм обращает внимание, что в современное ему время труд для большинства людей является наказанием и бременем. Стоит отметить, что и сегодня нам время немало людей воспринимают труд таким же образом. Следовательно, не сам труд приводит к счастью. По той причине, что физическое ограничено в человеке, мы не можем понять степень счастья наших предков, например. Нервная система, став более чувствительной, стала доступна более слабым возбуждениям, чего не было у предков. При такой логике с более интенсивной чувствительностью неприятное возбуждение способно доставлять нам большее страдание, чем приятное – наслаждение. Поэтому большая чувствительность способна больше препятствовать счастью, чем способствовать. Социолог подтверждает сказанное выше тем, что самые утонченные нервные системы живут в страдании [23. С. 226]. Счастье выражает здоровье физической и моральной жизни. «Счастье – указатель состояния здоровья» [23. С. 227]. Поэтому счастье не может быть больше там, где деятельность богаче, оно одинаково везде, где эта деятельность носит здоровый характер. По этой логике житель Севера не поменяет место своего жительства на более

теплую страну, несмотря на неблагоприятный климат и бедствия. Однако здесь стоит отметить, что в XXI в. мы не можем применить это правило для современных людей. Люди стали более мобильными, проще меняют место жительства на более благоприятное в поисках счастья и лучшего качества жизни. В современной науке схожее мнение имеет Дж. Фиш. По его мнению, захватывающие новые возможности для работы привлекают людей вдали от своих мест рождения, что, в свою очередь, ослабляет традиции, вытесняя тех ранних защитников, старшего поколения, которые больше не в состоянии передавать, прививать и обеспечивать соблюдение тех эмоциональных сходств, которые порождаются «обычаями предков» [22]. Тем не менее многие не обрывают связь с родиной, ищут соотечественников на новом месте и образуют некие разновидности коммун и общин.

Рассуждая о счастье, Дюркгейм представляет первые идеи о самоубийстве. Люди предпочитают жизнь смерти, значит, счастья в любом случае больше, чем несчастья. Зная число самоубийств можно определить, преобладает счастье в обществе или нет, измерить изменение общего счастья в обществе. Дюркгейм утверждает, что самоубийства появляются только с цивилизацией. В низших обществах самоубийства происходили из лучших побуждений или из-за религиозных предписаний, например у кельтов [23. С. 230]. На карте самоубийств, составленной автором, число самоубийств больше там, где выше развита цивилизация. Количество самоубийств свидетельствует о регрессе счастья, потому что и число самоубийств и счастье одновременно повышаться не могут. Автор заключает, что абсолютного счастья, к которому приближаются люди, не существует: счастье мужчины и женщины разное, низших и современных обществ — разное. Поэтому изменение счастья и разделение труда никак не связаны. Но желание стать счастливее может объяснить прогресс в обществе. Когда разделение труда происходит не принудительно, а по инициативе индивида, некоторые люди могут думать, что найдут счастье в осуществлении своих природных склонностей. Дюркгейм в своем рассуждении не обращается прямо к роли счастья в воспроизводстве органической солидарности, но, основываясь на его идеях, мы можем сказать, что счастье присутствует только в солидарных обществах. Не стремление к счастью приводит к разделению общественного труда, но здоровое разделение труда вызывает счастье, тем самым обеспечивая связь индивида с обществом.

В противоположность счастью Дюркгейм уделяет внимание аномическому разделению труда. Если нормальное разделение труда производит социальную солидарность, то аномическое — наоборот. Автор убежден, что аномическое разделение труда нельзя игнорировать, потому что «изучение отклоняющихся форм позволит лучше понять нормальное состояние общества» [23. С. 328]. Логика Дюркгейма такова, что если будут известны обстоятельства, которые перестают обеспечивать солидарность, мы будем знать что необходимо разделению труда для нормального функционирования. Автор приводит пример в промышленной сфере в 1845–1869 гг, когда рабочие под-

нимали бунты в целях поднятия заработной платы. Так, с повышением возмущения рушилась солидарность между рабочими и наемниками. Противопоставляя этому пример из Средних веков, когда работник был всегда рядом с хозяином.

В завершение своей работы Дюркгейм утверждает, что нравственность (учения и нравы) испытывает регресс, а новая нравственность, соответствующая новому времени, еще не развилась. Регресс моральности отмечает и ряд современных авторов. Дж. Фиш утверждает, что в современных индустриальных обществах ослабление коллективных чувств особенно очевидно [22]. Следствием предположения Дюркгейма о том, что нравственность имеет свое происхождение в обществе, является тезис: религиозная связь, состоит в том, что распад в обществе означает разложение морали [42]. Современные теории наказания, построенные на основе идей Дюркгейма, осмысливают деморализацию как снижение: 1) уровня сплоченности среди граждан, характеризующегося более низким воспринимаемым сходством в моральных убеждениях и социальном доверии, и 2) уважения к юридическим властям и закону [30].

Дж. Фиш критикует концепцию Дюркгейма при анализе древнего города-государства. По его словам, защита национальной религии делает анализ ранней органической солидарности у Дюркгейма противоречивым, подразумевая постоянную потребность в эмоциональном сходстве, несмотря на более широкие трансцендентальные изменения, которые происходят в древнем городе-государстве в то время. Автономная природа чувств, возникающих в условиях органической солидарности, согласно Фишу, препятствует тому, что средневековые люди полностью подчинялись общей совести так же, как люди, живущие в механических обществах [22].

Таким образом, с разделением труда появляются большая индивидуальность, больше различий в испытываемых чувствах. Вместе с изменением характера социальной солидарности меняется и роль эмоций в воспроизводстве солидарности. Несмотря на то что социальные эмоции представителей одной профессии становятся чуждыми другим классам, а функциональная дифференциация неизбежно влечет за собой моральную, с прогрессом разделения общественного труда индивид становится зависимым от общества, от деятельности других индивидов. В анализе органической солидарности большее внимание уделяется эмоциям симпатии, альтруизма и счастья. Счастье способствует социальной солидарности, будучи следствием разделения общественного труда, а не его причиной. Нравственность у Дюркгейма состоит в том, чтобы быть солидарным с группой. Если исчезнет социальная жизнь, то и жизнь моральная тоже исчезнет, так как не будет точки опоры. Обязанности индивида к самому себе, а значит, и к обществу (уважение к человеческому достоинству) соответствуют коллективным чувствам, которые непозволительно оскорблять. Разделение труда становится основанием морального порядка и источником социальной солидарности. Без общих чувств «человек не человек» [23. С. 372].

Выводы. Нами была проанализирована работа классика социологии Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда». В работе было выделено место эмоций в интерпретации социальной солидарности. Ранее анализ работы в этом ключе не проводился ни среди российских, ни среди зарубежных исследователей.

Согласно Дюркгейму механическая солидарность основана на общих идеях, чувствах и верованиях, индивидуальное в данном случае поглощается коллективным. Механическая солидарность в интерпретации автора основывается преимущественно на негативных эмоциях, которые вызваны преступлением: гнев, месть и стыд. Несмотря на то что гнев и месть являются негативными, в интерпретации Дюркгейма они представляют собой ответную реакцию на оскорбляющие коллективные чувства поступки и являются средством защиты и, следовательно, поддержания социальной солидарности. Люди объединяются, чтобы вместе испытывать гнев относительно преступлений, создавая социальные связи. А симпатия присутствует только в рамках семьи и дружбы. В противопоставление этому, органическая солидарность основана на разделении общественного труда, имеет индивидуальный характер. Согласно автору с появлением разделения общественного труда меняется социальная структура, характер солидаризации общества и, следовательно, роль эмоций. Эмоции имеют социальную природу и присутствуют в создании социальных связей с первобытных обществ, а с развитием общества и сменой типов социальной солидарности присутствуют во все большем числе видов права. Индивидуализируясь, индивид становится зависим от деятельности других людей. Мы обнаружили, что в описании Дюркгейма стали преобладать позитивные эмоции, такие как альтруизм, симпатия, выходящая за пределы семьи и дружбы и появляющаяся в трудовых отношениях, счастье. Выделенные эмоции возникают

вследствие разделения труда. Дюркгейм аргументировал, что счастье образуется в солидарных обществах и является признаком здорового общества. В целом можно заключить, что разделение общественного труда, имея целью сделать общество солидарным, сопровождается эмоциями. Мы можем сказать, что с разделением общественного труда эмоции, соответствуя отдельным видам деятельности, помогают создавать социальные связи. Поэтому Дюркгейм определял важную роль эмоций в поддержании социальной солидарности, обосновывал социальную природу эмоций. Через весь труд социолога проходит понятие «коллективных чувств», несмотря на то что при механической солидарности коллективные чувства возникают из общих идей, а при органической – из разделения общественного труда, именно коллективные чувства обуславливают социальную солидарность в обществе.

Основываясь на работе Дюркгейма, мы делаем вывод, что солидарность будет укрепляться в тех обществах, где индивиды действуют в соответствии с правилами, не оскорбляющими коллективных эмоций. При этом характер эмоций или конкретный вид не так важен, важна общность испытываемых эмоций. Можно сказать, что эмоции обеспечивают социальную интеграцию в общества, а накапливая предыдущий опыт, обеспечивают социальную солидарность во времени через поколения. Благодаря моральным эмоциям человек чувствует себя частью целого. В то же время ослабление социальной солидарности может быть обусловлено потерей энергии общественного эмоционального сознания. По результату проделанного анализа можно сделать вывод, что положения, разработанные классиком, могут быть актуальными и для современного нам общества и быть основаниями для дальнейшей разработки решения проблемы социальной солидарности в области социологии эмоций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Weyher L.F. Emotion, Rationality, and Everyday Life in the Sociology of Emile Durkheim // *Sociol. Spectr.* 2012. Vol. 32, № 4. P. 364–383.
2. Turner J.H. The sociology of emotions: Basic theoretical arguments // *Emot. Rev.* 2009. Vol. 1, № 4. P. 340–354.
3. Kemper T.D. Toward a sociology of emotions: Some problems and some solutions // *Am. Sociol.* 1978. C. 30–41.
4. Stets J.E., Turner J.H. The sociology of emotions // *Handb. Emot.* 2008. C. 32–46.
5. Stråth B. Identity and social solidarity: an ignored connection. A historical perspective on the state of Europe and its nations // *Nations Natl.* 2017. Vol. 23, № 2. P. 227–247.
6. Симонова О.А. Современная социология эмоций и проблема социальной солидарности: Основные направления исследований // *Социологический ежегодник. М. : ИНИОН РАН, 2011. С. 95–142.*
7. Гофман А.Б. Что такое социальная солидарность? // *Когита!py*. URL: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/chto-takoe-socialnaya-solidarnost> (дата обращения: 14.12.2017).
8. Sribljinić A., Božić J. Implications of the Sociology of Emotions for the Restoration of Social Order // *Emot. Rev.* 2013.
9. Krivosos D. And After That We All became Like Brothers: Emotions, Affectivity and Communication in a Pro-governmental Youth Movement in Russia // *YOUNG.* 2016. Vol. 24, № 2. P. 102–117.
10. Jacobsson K., Lindblom J. Moral reflexivity and dramaturgical action in social movement activism: The case of the plowshares and animal rights Sweden // *Soc. Mov. Stud.* 2012. Vol. 11, № 1. P. 41–60.
11. Rosenberger S., Winkler J. Com/passionate protests: Fighting the deportation of asylum seekers // *Mobilization Int. Q.* 2014. Vol. 19, № 2. P. 165–184.
12. Jasper J.M. Emotions and social movements: Twenty years of theory and research // *Annu. Rev. Sociol.* 2011. Vol. 37. P. 285–303.
13. Hutchison E. A Global Politics of Pity? Disaster Imagery and the Emotional Construction of Solidarity after the 2004 Asian Tsunami // *Int. Polit. Sociol.* 2014. Vol. 8, № 1. P. 1–19.
14. Dolan P., Connolly J. Emotions, violence and social belonging: An Eliasian analysis of sports spectatorship // *Sociology.* 2014. Vol. 48, № 2. P. 284–299.
15. Von Scheve C. at ol. Emotional entrainment, national symbols, and identification: A naturalistic study around the men's football World Cup // *Curr. Sociol.* 2014. Vol. 62, № 1. P. 3–23.
16. Heider A., Warner R.S. Bodies in Sync: Interaction Ritual Theory Applied to Sacred Harp Singing* // *Sociol. Relig.* 2010. Vol. 71, № 1. P. 76–97.

17. Ismer S. Embodying the nation: football, emotions and the construction of collective identity // *Natl. Pap.* 2011. Vol. 39, № 4. P. 547–565.
18. Scheve C. von, Ismer S. Towards a Theory of Collective Emotions // *Emot. Rev.* 2013.
19. Dohrenwend B.P. Egoism, Altruism, Anomie, and Fatalism: A Conceptual Analysis of Durkheim's Types // *Am. Sociol. Rev.* 1959. Vol. 24, № 4. P. 466–473.
20. Lester D. The role of shame in suicide // *Suicide Life. Threat. Behav.* 1997. Vol. 27, № 4. P. 352–361.
21. Gane M. Durkheim's scenography of suicide // *Econ. Soc.* 2005. Vol. 34, № 2. P. 223–240.
22. Fish J.S. Religion and the changing intensity of emotional solidarities in Durkheim's *The Division of labour in society* (1893) // *J. Class. Sociol.* 2002. Vol. 2, № 2. P. 203–223.
23. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991а. 1991.
24. Levang L.E. at ol. Musikkfestivalens kollektive effervesens // *Tidsskr. Samfunnsforskning.* 2017. Vol. 58, № 01. P. 62–83.
25. Dimond R., Bartlett A., Lewis J. What binds biosociality? The collective effervescence of the parent-led conference // *Soc. Sci. Med.* 2015. Vol. 126. P. 1–8.
26. Деева М. От индивидуального к разделяемому аффекту: постдюркгеймианская традиция в социологии эмоций // *Социологическое Обозрение.* 2010. Т. 9, № 2.
27. Симонова О.А. Стыд и бедность: последствия для социальной политики // *Журнал Исследований Социальной Политики.* 2014. Т. 12, № 4.
28. Harber K.D. Can the Lone Ranger, Molly Bloom, and Emile Durkheim Be Friends? // *Emot. Rev.* 2009.
29. Fish J.S. Talcott Parsons and the Sociology of Emotion // *Sociol. Perspect.* 2016.
30. Pickett J.T., Baker T. Punishment and solidarity? An experimental test of the educative-moralizing effects of legal sanctions // *J. Exp. Criminol.* 2017. Vol. 13, № 2. P. 217–240.
31. Shilling C. Emotions, embodiment and the sensation of society // *Sociol. Rev.* 1997. Vol. 45, № 2. P. 195–219.
32. Collins R. Stratification, emotional energy, and the transient emotions // *Res. Agendas Sociol. Emot.* 1990. P. 27–57.
33. Clark C. *Misery and Company: Sympathy in Everyday Life.* : University of Chicago Press, 2007. 332 p.
34. Kusá Z. Za hranicou solidarity. Obhajovanie princípu dôstojnosti pre všetkých. 2017.
35. Moore D., Singh R. Seeing crime, feeling crime: Visual evidence, emotions, and the prosecution of domestic violence // *Theor. Criminol.* 2018. Vol. 22, № 1. P. 116–132.
36. Sharp C. #fear&loathing in Sydney: Law, Justice and the Experience of Fear in a Hashtag World // *Law Lit.* 2018. Vol. 30, № 1. P. 29–52.
37. Sajó A. Emotions in Constitutional Institutions // *Emot. Rev.* 2016. Vol. 8, № 1. P. 44–49.
38. Berk H.L. The Legalization of Emotion: Managing Risk by Managing Feelings in Contracts for Surrogate Labor // *Law Soc. Rev.* 2015. Vol. 49, № 1. P. 143–177.
39. Hochschild A.R. Emotion work, feeling rules, and social structure // *Am. J. Sociol.* 1979. Vol. 85, № 3. P. 551–575.
40. Hochschild A.R. *The managed heart: Commercialization of human feeling.* 1991.
41. Симонова О.А. Базовые принципы социологии эмоций // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер/ 12. Социология.* 2016. № 4.13.
42. Hookway N. Moral decline sociology: Critiquing the legacy of Durkheim // *J. Sociol.* 2015. Vol. 51, № 2. P. 271–284.

Статья представлена научной редакцией «социология и политология» 13 мая 2018 г.

THE OUTLINES OF THE SOCIOLOGY OF EMOTIONS IN THE CONCEPT OF SOCIAL SOLIDARITY: THEORETICAL ORIGINS IN DURKHEIM'S "THE DIVISION OF LABOR IN SOCIETY"

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 84–93.

DOI: 10.17223/15617793/435/11

Ekaterina N. Kalieva, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: ekalyaeva@hse.ru

Keywords: emotions; sociology of emotions; social solidarity; Durkheim; collective sentiments; mechanical solidarity; organic solidarity.

The article is devoted to the analysis of Durkheim's "The Division of Labor in Society" in terms of the sociology of emotions. The social solidarity problem is one of the fundamental problems of sociology. There is an opinion that it is impossible to resolve it excluding emotions. "The Division of Labor in Society" is one of the main works in the field of social solidarity. Durkheim considered and characterized types of social solidarity. In contemporary science, however, the authors prefer "*The Elementary Forms of the Religious Life*" for analysis. It leaves gaps in the study of the origins of the sociology of emotions and the role of emotions in maintaining social solidarity. Durkheim's ideas are rethought and reflected in the works of contemporary sociologists of emotions. The article demonstrates that current authors rely on Durkheim's ideas in their arguments. The aims of the article are to identify the background of the sociology of emotions in "The Division of Labor in Society", to present how Durkheim determined the social nature of emotions, their role in the description of social solidarity types, what types of emotions are involved in creating social ties from the position of Durkheim. With the help of Durkheim's ideas we can identify the outlines for solving the problem of social solidarity. We can make a conclusion that the role of emotion in the maintaining of social solidarity changes with the change of the social solidarity types in Durkheim's concept. Mechanical solidarity is based on common ideas, feelings; the individual is completely absorbed by the collective. Crimes arouse negative emotions such as anger, revenge and shame, which become instruments of protection. Sympathy exists only in the institutions of family and marriage. In opposition, organic solidarity is based on the division of social labor; the collective is replaced by the individual. As a result of changing the social solidarity type, positive emotions participate in its reproduction: altruism, sympathy that goes beyond family and friendship and appears in labor relations, happiness. In Durkheim's concept, emotions have to be common and collective for the reproduction of social solidarity. The kind of specific emotions is not very important. Social solidarity can be destroyed with the loss of the collective nature of emotions. It is concluded that Durkheim's ideas can be relevant for the contemporary society and can be the basis for further development of the solution of the problem of social solidarity in the field of the sociology of emotions.

REFERENCES

1. Weyher, L.F. (2012) Emotion, Rationality, and Everyday Life in the Sociology of Emile Durkheim. *Sociol. Spectr.* 32(4). pp. 364–383. DOI: 10.1080/02732173.2012.664049
2. Turner, J.H. (2009) The sociology of emotions: Basic theoretical arguments. *Emot. Rev.* 1(4). pp. 340–354. DOI: 10.1177/1754073909338305
3. Kemper, T.D. (1978) Toward a sociology of emotions: Some problems and some solutions. *Am. Sociol.* 13. pp. 30–41.
4. Stets, J.E. & Turner, J.H. (2008) The sociology of emotions. In: Stets, J. & Turner, J.H. (eds) *Handbook of the Sociology of Emotions*. Springer.

5. Stråth, B. (2017) Identity and social solidarity: an ignored connection. A historical perspective on the state of Europe and its nations. *Nations Natl.* 23(2). pp. 227–247.
6. Simonova, O.A. (2011) Sovremennaya sotsiologiya emotsiy i problema sotsial'noy solidarnosti: Osnovnye napravleniya issledovaniy [Modern sociology of emotions and the problem of social solidarity: The main directions of research]. In: Pokrovskiy, N.E. & Efremenko, D.V. (eds) *Sotsiologicheskii ezhegodnik* [Sociological Yearbook]. Moscow: INION RAN.
7. Gofman, A.B. (2012) *Chto takoe sotsial'naya solidarnost'?* [What is social solidarity?]. [Online] Available from: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/chto-takoe-socialnaya-solidarnost>. (Accessed: 14.12.2017).
8. Srbljinović, A. & Božić, J. (2013) Implications of the Sociology of Emotions for the Restoration of Social Order. *Emot. Rev.* 6(2). pp. 152–159. DOI: 10.1177/1754073913503371
9. Krivosos, D. (2016) And After That We All became Like Brothers: Emotions, Affectivity and Communication in a Pro-governmental Youth Movement in Russia. *YOUNG.* 24(2). pp. 102–117. DOI: 10.1177/1103308815611324
10. Jacobsson, K. & Lindblom, J. (2012) Moral reflexivity and dramaturgical action in social movement activism: The case of the plowshares and animal rights Sweden. *Soc. Mov. Stud.* 11(1). pp. 41–60. DOI: 10.1080/14742837.2012.640529
11. Rosenberger, S. & Winkler, J. (2014) Com/passionate protests: Fighting the deportation of asylum seekers. *Mobilization Int. Q.* 19(2). pp. 165–184.
12. Jasper, J.M. (2011) Emotions and social movements: Twenty years of theory and research. *Annu. Rev. Sociol.* 37. pp. 285–303. DOI: 10.1146/annurev-soc-081309-150015
13. Hutchison, E. (2014) A Global Politics of Pity? Disaster Imagery and the Emotional Construction of Solidarity after the 2004 Asian Tsunami. *Int. Polit. Sociol.* 8(1). pp. 1–19. DOI: 10.1111/ips.12037
14. Dolan, P. & Connolly, J. (2014) Emotions, violence and social belonging: An Eliasian analysis of sports spectatorship. *Sociology.* 48(2). pp. 284–299. DOI: 10.1177/0038038512474729
15. Von Scheve, C. et al. (2014) Emotional entrainment, national symbols, and identification: A naturalistic study around the men's football World Cup. *Curr. Sociol.* 62(1). pp. 3–23. DOI: 10.1177/0011392113507463
16. Heider, A. & Warner, R.S. (2010) Bodies in Sync: Interaction Ritual Theory Applied to Sacred Harp Singing. *Sociol. Relig.* 71(1). pp. 76–97.
17. Ismer, S. (2011) Embodying the nation: football, emotions and the construction of collective identity. *Natl. Pap.* 39(4). pp. 547–565. DOI: 10.1080/00905992.2011.582864
18. Scheve, C. von & Ismer, S. (2013) Towards a Theory of Collective Emotions. *Emot. Rev.* 5(4). pp. 406–413. DOI: 10.1177/1754073913484170
19. Dohrenwend, B.P. (1959) Egoism, Altruism, Anomie, and Fatalism: A Conceptual Analysis of Durkheim's Types. *Am. Sociol. Rev.* 24(4). pp. 466–473.
20. Lester, D. (1997) The role of shame in suicide. *Suicide Life. Threat. Behav.* 27(4). pp. 352–361.
21. Gane, M. (2005) Durkheim's scenography of suicide. *Econ. Soc.* 34(2). pp. 223–240. DOI: 10.1080/03085140500054602
22. Fish, J.S. (2002) Religion and the changing intensity of emotional solidarities in Durkheim's The division of labour in society (1893). *J. Class. Sociol.* 2(2). pp. 203–223.
23. Durkheim, E. (1991a) *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [On the division of social labor. Method of sociology]. Moscow: Nauka.
24. Levang, L.E. et al. (2017) Musikkfestivalens kollektive effervesens [The music festival's collective effervescence]. *Tidsskr. Samfunnsforskning.* 58(01). pp. 62–83. DOI: 10.18261/ISSN.1504-291X-2017-01-03
25. Dimond, R., Bartlett, A. & Lewis, J. (2015) What binds biosociality? The collective effervescence of the parent-led conference. *Soc. Sci. Med.* 126. pp. 1–8. DOI: 10.1016/j.socscimed.2014.12.005
26. Deeva, M. (2010) Ot individual'nogo k razdelyaemomu affektu: postdyurkgeymianskaya traditsiya v sotsiologii emotsiy [From Individual to Partial Affect: Post-Durkheimian Tradition in the Sociology of Emotions]. *Sotsiologicheskoe Obozrenie.* 9(2).
27. Simonova, O.A. (2014) The Sociology of Shame and the Research of Poverty: the Consequences for the Social Policy. *Zhurnal Issledovaniy Sotsial'noy Politiki – Journal of Social Policy Studies.* 12(4). (In Russian).
28. Harber, K.D. (2009) Can the Lone Ranger, Molly Bloom, and Emile Durkheim Be Friends? *Emot. Rev.* 1(1). pp. 90–91. DOI: 10.1177/1754073908099128
29. Fish, J.S. (2016) Talcott Parsons and the Sociology of Emotion. *Sociol. Perspect.* 48(1). pp. 135–152. DOI: 10.1525/sop.2005.48.1.135
30. Pickett, J.T. & Baker, T. (2017) Punishment and solidarity? An experimental test of the educative-moralizing effects of legal sanctions. *J. Exp. Criminol.* 13(2). pp. 217–240. DOI: 10.1007/s11292-017-9287-1
31. Shilling, C. (1997) Emotions, embodiment and the sensation of society. *Sociol. Rev.* 45(2). pp. 195–219.
32. Collins, R. (1990) Stratification, emotional energy, and the transient emotions. In: Kemper, T.D. (ed.) *SUNY series in the sociology of emotions. Research agendas in the sociology of emotions.* Albany, NY, US: State University of New York Press.
33. Clark, C. (2007) *Misery and Company: Sympathy in Everyday Life.* Chicago: University of Chicago Press.
34. Kusá, Z. (2017) *Za hranicou solidarity. Obhajovanie princípu dôstojnosti pre všetkých* [Beyond solidarity. Defending the principle of dignity for all]. Bratislava: Sociologický ústav SAV
35. Moore, D. & Singh, R. (2018) Seeing crime, feeling crime: Visual evidence, emotions, and the prosecution of domestic violence. *Theor. Criminol.* 22(1). pp. 116–132. DOI: 10.1177/1362480616684194
36. Sharp, C. (2018) #fear&loathing in Sydney: Law, Justice and the Experience of Fear in a Hashtag World. *Law Lit.* 30(1). pp. 29–52. DOI: 10.1080/1535685X.2017.1348577
37. Sajó, A. (2016) Emotions in Constitutional Institutions. *Emot. Rev.* 8(1). pp. 44–49. DOI: 10.1177/1754073915601224
38. Berk, H.L. (2015) The Legalization of Emotion: Managing Risk by Managing Feelings in Contracts for Surrogate Labor. *Law Soc. Rev.* 49(1). pp. 143–177. DOI: 10.1111/lasr.12125
39. Hochschild, A.R. (1979) Emotion work, feeling rules, and social structure. *Am. J. Sociol.* 85(3). pp. 551–575.
40. Hochschild, A.R. (1991) *The managed heart: Commercialization of human feeling.* Berkeley, CA: University of California Press
41. Simonova, O.A. (2016) Basic principles of the sociology of emotions. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Sotsiologiya – Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology.* 4. pp. 12–27. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.401
42. Hookway, N. (2015) Moral decline sociology: Critiquing the legacy of Durkheim. *J. Sociol.* 51(2). pp. 271–284. DOI: 10.1177/1440783313514644

Received: 13 May 2018